

Научная статья
УДК 343.1

**ДЕКРЕТ О СУДЕ № 2
КАК «ВРЕМЕННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»
СОВЕТСКОЙ РОССИИ (К 105-ЛЕТИЮ С МОМЕНТА ПРИНЯТИЯ)**

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья посвящается рассмотрению объективных факторов, предопределивших разработку и принятие советского Декрета о суде № 2. Автором предпринимается попытка исследования обстоятельств его подготовки, обсуждения и принятия сквозь призму общих социально-политических процессов, проблем и тенденций, присущих первым дням и неделям существования новой российской государственности. Кроме того, анализируются обстоятельства подготовки проекта Декрета, проходившей в условиях бурной полемики и ожесточённой борьбы между большевиками, ратовавшими за полное разрушение прежней системы уголовной юстиции, и левыми эсерами, намеревавшимися сохранить лучшие традиции российского правосудия с учетом их адаптации к новым общественно-политическим реалиям. Одновременно с этим дается краткая характеристика содержания Декрета.

Ключевые слова: Декрет о суде № 2, история судостроительства, история уголовного судопроизводства, народные суды, следственные комиссии, уголовная юстиция.

Для цитирования: Россинский С.Б. Декрет о суде № 2 как «временные основы уголовного судопроизводства» советской России (к 105-летию с момента принятия) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С.185-193.

**DECREE ON COURT No. 2
AS THE «TEMPORARY BASIS OF CRIMINAL PROCEEDINGS»
OF SOVIET RUSSIA (TO THE 105TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION)**

Sergey B. Rossinskiy

Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of objective factors that predetermined the development and adoption of the Soviet Decree on the Court No. 2. The author attempts to study the circumstances of its preparation, discussion and adoption through the prism of general socio-political processes, problems and trends inherent in the first days and weeks of the existence of the new Russian statehood. In addition, the author analyzes the circumstances of the preparation of the draft Decree, which took place in the conditions of violent controversy and fierce struggle between the Bolsheviks, who advocated the complete destruction of the former criminal justice system, and the left SRS, who intended to preserve the best traditions of Russian justice, taking into account their adaptation to new socio-political realities. At the same time, a brief description of the content of the Decree is given.

Keywords: Decree on Court No. 2, history of the judicial system, history of criminal proceedings, People's Courts, investigative commissions, criminal justice.

For citation: Rossinsky S.B. Decree on Court No. 2 as the "Temporary basis of criminal proceedings" of Soviet Russia (to the 105th anniversary of the adoption) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. № 1(94). P. 185-193.

В марте 2023 г. отмечается 105-летний юбилей с момента принятия одного из важнейших «судебных» декретов советской власти – так называемого Декрета о суде № 2¹ – по сути, первого послереволюционного правового акта, более или менее ясно определяющего намерения по формированию пробной системы судостроительства и порядка судостроительства, в том числе расследования и судебного разбирательства уголовных дел, подсудных народным судам². Декрет явно не рассчитывался на долгосрочное применение, а принимался как одна из экстренных мер, направленных на обеспечение хотя бы некоего подобия законности и правопорядка в условиях организационно-правового хаоса и многих других известных факторов, присущих первому этапу построения новой государственности. Вместе с тем его содержание было далеко не случайным и во многом объективно обуславливалось общими социально-политическими процессами, проблемами и тенденциями, наблюдавшимися в конце 1917 – начале 1918 гг. Поэтому подлинное понимание замыслов и сущности данного документа возможно лишь при надлежащем осмыслении указанных процессов, проблем, тенденций, в частности причин, предопределивших его разработку и принятие именно в том виде, в котором он и вошел в историю отечественного государства и права. А наибольший интерес вполне закономерно представляют вопросы, связанные с отражением в Декрете о суде № 2 намерений советской власти по формированию уголовной юстиции в целом и механизмов уголовного судопроизводства в частности как некоего индикатора, показывающего правовой климат послереволюционного периода. Их рассмотрению и посвящается настоящая статья.

Предпосылки подготовки и принятия Декрета о суде № 2.

Как известно, национальная модель уголовной юстиции в современном понимании этого феномена начала складываться во второй половине XIX в., после известных преобразований, проводимых под руководством императора Александра II и послуживших импульсом для постепенного развития судостроительных и судопроизводственных институций Нового времени. Причем ввиду целого ряда объективных и достаточно понятных любому историку факторов эти процессы были подвержены сильному влиянию романо-германской публично-правовой доктрины. В частности, установленные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (далее – УУС) дореволюционные правила предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел предполагали весьма высокую степень преемственности по отношению к классической французской модели уголовного правосудия, возникшей на рубеже XIII– XIX вв. и впервые легализованной в так называемом Наполеоновском кодексе 1808 года³. Досудебное производство (предварительное следствие) находилось в ведении

¹ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. ст. 420.

² В этой связи необходимо сразу обратить внимание, что в части трибунальной юстиции, то есть дел, подсудных революционным трибуналам, первым подобным правовым актом являлась изданная несколькими неделями ранее так называемая Инструкция о ревтрибуналах – Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. «Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917. – № 38 (21 декабря).

³ Кодекс уголовного следствия Французской империи от 16 ноября 1808 г.

судебных следователей, осуществляющих полномочия при помощи полиции и под надзором прокуратуры, а судебное производство – в ведении судов различных уровней: волостных и окружных судов, судебных палат и Сената, выполняющего функции высшей судебной инстанции по уголовным делам.

Между тем потрясения 1917 г. привели к глобальным изменениям всей системы государственного управления, неизбежно затронувшим и организацию уголовной юстиции, и правила реализации соответствующих полномочий в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Одна из причин подобных преобразований, вне всяких сомнений, была связана с известными революционными идеями и лозунгами об абсолютной неприемлемости дальнейшего сохранения «не отвечающей интересам народа», «загнивающей», «эксплуататорской», неоднократно скомпрометировавшей себя в части уголовного преследования революционеров прежней системы правосудия. Однако имелась и другая веская причина, предопределившая необходимость реорганизации уголовной юстиции, – практически полное разложение существовавших ранее судебно-следственных и правоохранительных органов, обусловившее утрату их работоспособности, возможности надлежащей реализации возложенных на них функций. При таких обстоятельствах возникла объективная потребность в принятии ряда экстренных мер, связанных с упразднением имперской и созданием новой, советской системы судебных и правоохранительных органов, а также с необходимым реформированием механизмов уголовного судопроизводства.

22 ноября (5 декабря) 1917 г. был принят первый «судебный» декрет советской власти, официально названный Декретом «О Суде»¹, но более известный как Декрет о суде № 1. В соответствии с указанным правовым актом полномочия (правомочия) существовавших ранее судов, судебных следователей, прокуроров, присяжных поверенных (адвокатов) прекращались, а взамен образовывались временные революционные органы народной и трибунальной юстиции; одновременно устанавливался фактический запрет на дальнейшее использование дореволюционного порядка уголовного судопроизводства². Однако Декрет о суде № 1 устанавливал только общие контуры предполагаемых преобразований. Его содержание сводилось лишь к нескольким коротким тезисам, прямо предполагающим потребность в последующей конкретизации посредством издания других правовых актов. Поэтому всего через несколько недель, в начале 1918 г., был поставлен вопрос о подготовке более полного и содержательного нормативного документа, устанавливающего систему судоустройства и порядок судопроизводства в нестабильных условиях формирования новой государственности, – Декрета о суде № 2.

Обстоятельства подготовки и принятия Декрета о суде № 2.

В публикациях по истории судоустройства и уголовного судопроизводства Декрет о суде № 2 обычно рассматривался как некая данность – ученые преимущественно ограничивались лишь констатацией самого факта его принятия и краткой характеристикой его содержания [1, с. 33-36; 2, с. 140; 3, с. 106-107]. Вместе с тем появление данного документа явилось следствием череды целого ряда достаточно интересных обстоятельств, оказавших сильное влияние на дальнейшее развитие советской уголовной юстиции. В частности, весьма примечательно, что В.И. Ленин и его соратники вообще не считали реформирование судоустройства и судопроизводства первостепенной зада-

¹ Декрет СНК РСФСР от 22 ноября (5 декабря) 1917 года «О Суде» // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. ст. 50.

² В этой связи необходимо обратить внимание, что сугубо формально применявшийся до революции УУС Декретом о суде № 1 не отменялся. В Декрете содержалось достаточно неопределённое и предрасположенное к вариативному толкованию предписание, обязывающее судей руководствоваться дореволюционными законами в части, не отмененной революцией и не противоречащей революционным советам и правосознанию. Одновременно разъяснялось, что таковыми надлежит считать все законы свергнутых правительств, не соответствующие декретам советской власти, программам-минимум РСДРП и партии эсеров.

чей советской власти. В связи с этим в созданном после Октябрьской революции коалиционном правительстве – Совете народных комиссаров, «портфель» юстиции, в силу известных договоренностей, был обещан партии левых социалистов-революционеров (эсеров) [4, с. 35], а уже 26 ноября (9 декабря) 1917 г. пост Народного комиссара юстиции занял левый эсер И.З. Штейнберг. Поэтому начальные шаги советской власти в данном направлении во многом были предопределены не столько большевистскими, сколько левоэсеровскими идеями, предполагающими максимально возможное сохранение лучших традиций российского правосудия, в том числе хорошо апробированных механизмов уголовного судопроизводства, при условии их адаптации к новым общественно-политическим реалиям [5, с. 5].

Правда, большевики тоже не намеревались оставаться в стороне, пытаясь повлиять на содержание первых «судебных» декретов советской власти. Например, будучи не согласны с позицией левых эсеров о сохранении дифференциации общей и мировой юстиции, они настаивали на реализации идей о едином народном суде, уполномоченном рассматривать все без исключения, в том числе уголовные, дела [6, с. 58]. И поэтому работа в этом направлении проходила в условиях бурной полемики и ожесточённой борьбы, а ее результаты предполагали целый ряд весьма шатких, неустойчивых и явно не рассчитанных на длительное использование компромиссов. Однако, хорошо осознавая вынужденность коалиции с левыми эсерами, большевики все-таки согласились на большие уступки и передали своим политическим партнерам тактическую инициативу [7, с. 42] – новую систему советской юстиции, в целом, было решено формировать по образу и подобию дореволюционных стандартов, за исключением целого ряда деталей, не вписывающихся в предполагаемый вектор развития социалистической государственности [8, с. 89].

Таким образом, разработка Декрета о суде № 2 находилась в зоне сильного влияния партии левых эсеров и осуществлялась под руководством еще не лишившегося поста Народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга. Воплощенные в нем правотворческие решения были детерминированы левоэсеровскими представлениями о перспективах становления советской юстиции, предполагающими разумную степень преемственности по отношению к дореволюционной модели судостроительства и дореволюционным механизмам судопроизводства.

Однако мало кому известно, что намерения левых эсеров не ограничивались лишь декретным правотворчеством, то есть принятием очередных мер, рассчитанных на непродолжительный период действия и направленных на формирование временной системы судебно-следственных органов революционного типа. В реальности вынашивались более глобальные замыслы – быстро разработать и ввести в действие полноценный Свод законов РСФСР, предполагающий систематизированный комплект новых уставов, регламентирующих основные отрасли советского права. В частности, к середине февраля 1918 г., то есть в достаточно сжатые сроки, представителями партии левых эсеров был подготовлен проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР, которым планировалось заменить формально еще не отмененный УУС.

Правда, данный документ не был завершен – по всей видимости, его введение в действие предполагалось разбить на несколько этапов. Например, проект не включал положения, определяющие порядок досудебного производства по уголовному делу. Имелась лишь пояснительная записка с предложениями по внесению ряда изменений в соответствующий раздел УУС, что, вероятнее всего, объясняется желанием сохранить на первых порах некоторые положения прежнего уголовно-процессуального законодательства и возвратиться к данному вопросу позднее, в более «спокойное» время. Эти предложения были связаны с упразднением судебных следователей как единоличных

субъектов досудебного производства и их повсеместной заменой коллегиальными следственными комиссиями. Такие намерения мотивировались негативной оценкой работы следственного аппарата Российской империи, не оправдавшего, по мнению авторов предложений (левых эсеров А.А. Шрейдера, Н.Ф. Тераевича, Н.К. Змирлова и др.), замыслов судебной реформы 1860-х годов¹.

Кстати, указанные сведения позволяют сделать достаточно интересный вывод. Сама идея передачи досудебного производства из ведения единоличных субъектов — следователей, в ведение следственных комиссий принадлежала не большевикам, а именно левым эсерам, тогда как большевики, напротив, осознав непродуктивность подобной меры, в дальнейшем фактически реанимировали прежний порядок — вновь передали расследование уголовных дел о наиболее тяжких преступлениях в компетенцию единоличных народных следователей.

Проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР так и не воплотился в жизнь. Причем обнаружить какие-либо сведения, объясняющие причину отказа от данных намерений, не представилось возможным. Являлся ли он (отказ) следствием продолжения ожесточенной борьбы между большевиками и левыми эсерами? Или, возможно, был предопределён пониманием преждевременности столь кардинальных шагов либо осознанием «сырости», необработанности подготовленного проекта? Или имелись какие-то иные резоны, обусловившие снятие Устава уголовного судопроизводства РСФСР с текущей повестки? К сожалению, ответить на все эти вопросы достаточно сложно. Однако совершенно ясно другое — идеи левых эсеров о перспективах развития уголовной юстиции окончательно лишились права на существование после их отстранения от власти летом 1918 года.

В любом случае в начале 1918 г. было решено, не принимая никаких сводов законов и уставов, ограничиться изданием очередного «судебного» декрета, воспроизводящего левозерсовскую модель развития уголовной юстиции в достаточно усечённом виде. Хотя и здесь не обошлось без ожесточенной борьбы и жарких дискуссий, снова приведших к необходимости поиска приемлемых компромиссов. В частности, наибольшей критике со стороны большевиков подверглись предпринимаемые левыми эсерами попытки создания независимых от исполнительной власти органов правосудия, сохранения и укрепления окружных судов, увеличения количества судебных инстанций, что расценивалось как «убогость творческой фантазии» и «копирование учреждений по старым образцам» [9, с. 55], а также воспринималось в контексте негативного прогноза, предполагающего усиление влияния профессионального юридического сообщества [7, с. 44]. В результате затянувшихся на несколько недель обсуждений и согласований появился окончательный вариант документа, который был утверждён президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и вошел в историю как Декрет о суде № 2.

Общая характеристика Декрета о суде № 2 в части уголовной юстиции.

Декрет устанавливал достаточно четкую (настолько, насколько это было возможно в первые месяцы существования советской власти) систему уголовной юстиции. Так, наряду с учрежденными ранее судебными органами для рассмотрения уголовных дел, не относящихся к подсудности местных судов, образовывались окружные народные суды, в качестве высших органов управления которых определялись общие собрания их постоянных членов суда (судей). При этом утверждался исключительно коллегиальный порядок осуществления судебных полномочий. В частности, все подготовительные распоряжения по уголовным делам предписывалось принимать в составе не менее трех судей, а рассматривать и разрешать такие дела по существу — в составе председательствующего, двенадцати очередных и двух запасных народных заседателей.

¹ Государственный архив Рос. Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 1-81.

В Декрете еще раз обращалось внимание на отмену существовавшего до революции апелляционного порядка обжалования судебных решений и возможность использования лишь кассационных процедур, для реализации которых планировалось образование соответствующих судов второго уровня. А в целях обеспечения единообразия кассационной практики высказывалось намерение учредить так называемый Верховный судебный контроль, состав которого предполагалось формировать из представителей областных судов. Авторы Декрета рассчитывали наделить его полномочиями по обнаружению противоречий в казуальном толковании законов и их устранению посредством вынесения обязательных для применения «объединяющих принципиальных решений» – прототипов будущих постановлений Пленума Верховного Суда. Кроме того, Верховному судебному контролю планировалось поручать выявлять неустранимые противоречия между действующими законами и народным правосознанием, по результатам рассмотрения которых вносить в законодательные органы представления о необходимости изменения отдельных положений советского права, то есть выполнять функции, отчасти сходные с функциями современного конституционного судопроизводства.

Однако ввиду целой череды дальнейших событий вытекающие из содержания Декрета о суде № 2 намерения о создании кассационных судов и Верховного судебного контроля так и не получили своего практического воплощения. По всей вероятности, предложенная представителями партии левых эсеров модель судостроительства просто не была рассчитана на политическую обстановку первых месяцев существования советского государства, то есть оказалась нежизнеспособной для указанного исторического периода, непригодной для решения задач, стоящих перед правосудием, в первую очередь перед уголовной юстицией, в условиях красного террора, военного коммунизма, гражданской войны и, как следствие, резко возросшей криминализации общества. Поэтому объективная необходимость заставила большевиков изменить подходы к организации судебной власти – пересмотреть идеи, предполагающие формирование разветвленной системы судебных инстанций, и перейти к использованию юридических механизмов, позволяющих назначать повторное изучение дела посредством сугубо административных процедур, например рассмотрения Всероссийским центральным исполнительным комитетом соответствующих обращений Народного комиссариата юстиции. Хотя, как полагают некоторые исследователи, окончательный отказ от намерения учредить Верховный судебный контроль и кассационные суды все-таки, скорее, был обусловлен политической конъюнктурой – разрывом коалиции большевиков и левых эсеров, сопровождающимся отстранением последних от власти [9, с. 56].

Декрет о суде № 2 уделял достаточно много внимания порядку судопроизводства, в том числе механизмам предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Причем эти механизмы также во многом отразили вышеупомянутые левозеро-эсеровские идеи о перспективах построения уголовной юстиции, предполагающие максимально возможное сохранение прежних форм и методов работы судебных и правоохранительных органов. В частности, в ст. 8 Декрета содержалось положение, прямо предписывающее осуществлять все виды судопроизводства по правилам судебных уставов 1864 г., поскольку таковые не отменены советской властью и не противоречат правосознанию трудящихся (в последнем случае судам рекомендовалось мотивировать в приговорах и решениях основания отмены устарелых или буржуазных законов).

Декретом устанавливались некоторые принципы уголовного судопроизводства: недопустимость споров о подсудности, свобода выбора языка уголовного судопроизводства, неприемлемость уголовного преследования лиц, не достигших 17-летнего возраста и др. Особое внимание уделялось принципу свободы (а точнее, абсолютной свободы) оценки доказательств. Желая полностью покончить с теорией формальных доказа-

тельств, по всей вероятности, ассоциирующейся с классовым характером прежних общественно-правовых формаций и религиозными пережитками, авторы Декрета попытались создать качественно иной механизм использования органами предварительного расследования и судами различных предметов, документов, сведений, «не стесненный никакими формальными соображениями» и основанный исключительно на внутреннем усмотрении соответствующего правоприменителя. В том числе отменялась тайна купеческих и прочих книг, а суду предоставлялось дискреционное полномочие требовать представления всех подобных документов в обычном порядке, то есть по правилам, установленным для иных письменных доказательств. Одновременно был ликвидирован один из важнейших атрибутов дореволюционного уголовно-процессуального права, позволяющий в определенной степени обеспечить надежность сведений, проистекающих от свидетелей или сведущих лиц, – принесение присяги религиозного характера; вместо нее в систему уголовно-процессуального регулирования вводилась как бы альтернативная юридическая гарантия достоверности подобных средств доказывания – предварение ответственности (предупреждение от ответственности) за ложное показание, которая в практически неизменном виде сохраняется по сей день.

Декретом предусматривались и некоторые левозэсеровские новации в части досудебного производства. Так, проведение предварительного следствия поручалось учреждаемым в этих целях специальным следственным комиссиям, состоявшим из трех членов. По смыслу Декрета следственные комиссии обладали всем спектром государственно-властных, в том числе юрисдикционных, полномочий, необходимых для полного, всестороннего и объективного установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, а в случае надобности могли обращаться за содействием к Красной гвардии, народной милиции, иным государственным и общественным учреждениям, а также к любым частным и должностным лицам. Кроме того, для обеспечения интересов раскрытия истины следственным комиссиям предоставлялось право ограничивать участие стороны защиты. Решения следственных комиссий подлежали обжалованию в соответствующий окружной суд. По окончании предварительного расследования и в случае убежденности в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления следственной комиссией предписывалось не передавать уголовное дело прокурору для составления акта, как это определялось в ст. 478, 510-524 УУС, а составлять собственное постановление о предании лица суду и направлять все материалы в окружной суд. Последний, в свою очередь, наделялся правом признать указанный следственный акт необоснованным и возратить уголовное дело в следственную комиссию для доследования либо поручить такое доследование одному из членов суда.

В части рассмотрения уголовного дела в первой инстанции Декрет о суде № 2 фактически воспроизводил правила, регламентированные Инструкцией о ревтрибуналах. Например, устанавливалось, что в судебное следствие надлежит приглашать представителей обвинения и защиты. В этой связи предусматривалось создание коллегии лиц, посвящающих себя правозаступничеству в форме общественного обвинения и общественной защиты. Отдельное внимание уделялось и порядку участия народных заседателей, являвшихся по смыслу Декрета не только «судьями факта», каковыми ранее были присяжные заседатели, но и «судьями права». Например, им позволялось отводить председательствующего, решать вопросы о виде и размере уголовного наказания и т. д. Поэтому предусматривалось не раздельное, а совместное совещание народных заседателей и председательствующего, имевшего лишь право совещательного голоса. Процедура произнесения им заключительного (напутственного) слова отменялась.

Как отмечалось выше, советская власть ликвидировала дореволюционный институт апелляции, фактически заменив его кассационным порядком рассмотрения уголовных дел. В связи с этим было введено правило, предполагающее возможность об-

жалования приговора в месячный срок не только по формальным основаниям, но и вследствие несправедливости принятого решения. Одновременно устанавливался запрет обжалования оправдательных приговоров, а также подачи жалоб в части смягчения наказания либо полного освобождения обвиняемого от наказания. Кроме того, приостановление исполнения судебного решения ввиду поданной жалобы допускалось лишь по специальному постановлению суда первой или кассационной инстанции.

Таким образом, несмотря на целый ряд правовых норм, регламентирующих систему органов уголовной юстиции и порядок уголовного судопроизводства, Декрет о суде № 2 все же не являлся полноценным источником уголовно-процессуального права (неким «революционным уголовно-процессуальным кодексом»), пришедшим на смену УУС. Он лишь закреплял совокупность наиболее базовых, к тому же рассчитанных на переходный период, положений, позволяющих обеспечить более или менее приемлемую правоприменительную практику в условиях, явно не предрасполагающих к возможности незамедлительного кардинального реформирования системы национального законодательства. Иными словами, этот правовой акт в течение нескольких последующих месяцев (до вступления в силу обновленного Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.), по сути, выступал в качестве «временных Основ уголовного судопроизводства» и регламентировал основополагающие принципы работы экстренно созданных революционных органов уголовной юстиции.

1. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1927. 222 с.
2. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 624 с.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М.: Наука, 1968. 470 с.
4. Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей (1917-1913). М.: Государственное юридическое издательство, 1931. 236 с.
5. Шрейдер А.А. Народный суд. М.: Рев. социализм, 1918. 175 с.
6. Курский Д.И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. 1918. Вып. 2. С. 52-66.
7. Сладков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство (1917-1922 годы): дис. ... канд. истор. наук. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 207 с.
8. Коссов И.А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль-ноябрь 1918 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 87-95.
9. Захаров В.В. Высший судебный контроль в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15. С. 47-114.

1. Vy'shinskij A.Ya. Kurs ugolovnogo processa. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta RSFSR, 1927. 222 s.
2. Chel'czov M.A. Ugolovny`j process. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo MYu SSSR, 1948. 624 s.
3. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T.1. M.: Nauka, 1968. 470 s.
4. Stuchka P.I. 13 let bor`by` za revolyucionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statej (1917-1913). M.: Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo, 1931. 236 s.
5. Shrejder A.A. Narodny`j sud. M.: Rev. socializm, 1918. 175 s.
6. Kurskij D.I. Osnovy` revolyucionnogo suda // Materialy` Narodnogo komissa-riata yusticii RSFSR. 1918. Vy`p. 2. S. 52-66.

7. Sladkov V.N. Narkomat yusticii RSFSR i sovetskoe zakonodatel'stvo (1917-1922 gody'): dis. ... kand. istor. nauk. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1996. 207 s.
8. Kossov I.A. Okruzhny'e narodny'e sudy' v sudebnoj sisteme RSFSR (fevral'-noyabr' 1918 g.) // Vestnik RGGU. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo. 2009. № 11. S. 87-95.
9. Zaxarov V.V. Vy'sshij sudebnyj kontrol' v RSFSR // Istoriko-pravovy'e pro-blemy: novyj rakurs. 2016. № 15. S. 47-114.

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский. Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Доктор юридических наук, доцент.
Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy. Chief researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology. Doctor of Sciences (Law). Associate Professor
Institute of state and law of the Russian academy of sciences.
119019, Russian Federation, Moscow, 10 Znamenka str.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 13.01.2023.

The article was submitted October 11, 2022; approved after reviewing December 20, 2022; accepted to the writing of the article for publication January 13, 2023.